

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ

Кому необходим и кому мешает культурно-исторический феномен?

Арсений Александрович Замостьянов

С каким удовольствием мы не развивали бы эту тему... Но, увы, она не отпускает, становится всё актуальнее. Недруги Победы — это, пожалуй, самая активная и спаянная группа политических террористов в современной России. В эту группу входят люди противоположных убеждений — крайности сходятся. Вы найдёте там радикальных националистов и самых яростных либералов. Кажется бы, они должны горло

друг другу перегрызать, но вот ведь — нашли общее разрушительное дело. Государственные почести, которые воздаются Победе, для них — как ладан для чёрта. Объединённые ненавистью к феномену Победы, они одинаково реагируют на проявления «культы ВОВ», выискивают слабые места в позициях тех, для кого Победа священна.

Фальсификации чаще всего появляются не по злой воле могущественного врага, а из игры самолюбия, из суетного самоутверждения. Самые активные

Фото: Наталья Боде. С фронта в родное село — на побывку. www.fotosoyuz.ru

фальсификаторы завербованы не шпионами, а собственным невежеством. Либеральная интеллигенция оперирует двумя-тремя штампами, которые давно стали символом веры, ритуалом, без соблюдения которого уважающий себя антисоветчик не сможет и чашку кофею испить.

Они пытаются расколоть историю страны, возродить самоубийственное ожесточение и разобщение Гражданской войны. А для этого необходимо скомпрометировать Великую Отечественную. Репертуар нападков на Победу велик, создают его люди изощрённые, ловкие, нередко — фанатично преданные своим разрушительным идеям. Этого противника нельзя недооценивать.

В те годы, когда президент Ельцин сдавал позицию за позицией, надеясь на дружбу западных лидеров, идеологи расширения

И шестидесятилетие Победы мы встретили под вопли европейских журналистов (увы, нередко русского или советского происхождения) о зверствах красноармейцев в 1945-м в Германии и в освобождённых странах. Эмоциями они подменяют логику цифр. Главное — создать образ кровавого Ивана, варвара, недочеловека. Чтобы при случае захотелось с Иваном безжалостно расквитаться.

Такая вот клевета с дальним прицелом.

Мы имеем дело с организованными силами, влияющими на отношение к России в мире и на самоопределение русской интеллигенции. Они мыслят стратегически, готовы к неожиданным ходам и результативным уловкам, играют на струнках совести, соблазняют самобичеванием, поисками правды. Ох, уж эти поиски правды-матки с великими историческими разоблачениями

НАТО начали наступление на исторические позиции России. Это показательно: в политике страну, распахнувшую руки для объятий, бьют. Бьют за слабость, за иллюзии, за мягкотелость. К началу нового века измышления радикальных русофобов времён «холодной войны» сложились в идеологический канон, который навязывается странам Восточной Европы — от Эстонии до Балкан.

и муками совести — они ведь были основой германского нацизма, которому хватило десятилетия, чтобы привести свою страну к поражению, оккупации и жестокому разочарованию в собственном народе.

Сегодня многие и нашенькие пытливые мальчики проявляют склонность к историческому самобичеванию, ищут оправданий для власовцев, многозначительным тоном говорят о преступлениях Красной

армии в Германии. Называют оккупацией политику Советского Союза в Восточной Европе и готовы в этой оккупации каяться, каяться бесконечно. Да, бороться за правду сладостно. И только потом, у разбитого корыта, понимаешь, насколько иллюзорной, разрушительной была эта правда. Точнее, не правда, а «правда».

Здоровое развитие общественного организма возможно, когда путеводной звездой является не мнимая «правда», но целесообразность. А правда о Великой Отечественной нам давно известна. Она — в истлевших фотографиях в каждом доме, в каждой избе. Смотрят на нас фронтовики — павшие, ушедшие, живые. Правда — в обелисках, в боевых орденах, в тишине над полями сражений. Документальная правда — в страшной статистике войны, в хроникальных кадрах. Художественная правда — в кинофильмах и песнях фронтовых лет. Точного ракурса правды не бывает. Но нельзя терять самоощущение на-

рода-победителя, сражавшегося за правое дело, выдержавшего испытания калёным железом. И поэтому Россия будет бороться против враждебной идеологии. Такова целесообразная и справедливая позиция государства.

Ровно год назад, 8 мая 2009 года, накануне Дня Победы, Президент РФ Д.А. Медведев выступил в Интернете против «всё более злых, жёстких, агрессивных» попыток дискредитировать историю России. Не заставил

себя ждать Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Организация работы комиссии поручена Министерству образования и науки. Основная задача комиссии — «...обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации». Комиссия должна выработать методы сопротивления волне «фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России». Звучит бюрократично, само слово «фальсификация» эмоционально слабое, плохо переваренное русским языком. «Клевета на Победу» — это и звучит точнее, и впечатляет. Но не будем брюзжать! Учреждение этой комиссии — дело нужное. Вот и С.К. Шойгу — министр по чрезвычайным ситуациям, один из самых влиятельных и уважаемых в народе управленцев последнего двадцатилетия, публично предложил квалифицировать отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне как уголовное преступление. Надеемся, что такой закон будет разработан и принят. По опросу ВЦИОМа, 60% граждан России одобряют инициативу Шойгу, против — 26%. И это — почти сразу после выступления министра, без пропагандистской кампании в поддержку законопроекта. Не случаен и массовый успех книг директора фонда «Историческая память» Александра Дюкова — «За что сражались советские люди», «Великая оболганная война», в которых автор возвращает нас к рациональной системе оценок войны, разъясняет подзабытые, но актуальные истины, что Победа была спасением народа от уничтожения и порабощения.

И нас призывают каяться за Победу?

Увы, о тотальном покаянии нередко заговаривают представители нашего

духовенства. Признаться, я всегда недоумевал: чего больше в политическом покаянии за деяния дедов — самобичевания или гордыни? Думаю, гордыня всё-таки преобладает. Такое покаяние для гордецов — лишь отличный повод подкормить собственное самолюбие, охаявая стариков за приверженность коммунизму. Непонятно, какое имеют отношение ко Христу эти рефлексии элитариев? Поэтому так важны и своевременны недавние слова патриарха Кирилла: «Иногда нас призывают к покаянию, требуют, чтобы весь народ каялся — каялся именно сейчас, когда открылись и открываются Божии храмы. Это лукавый призыв, и Церковь имеет право об этом сказать. Потому что покаяние — главное, к чему призывает Церковь, повторяя евангельские слова: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие». И обращение к каждому человеку с призывом к покаянию есть наиважнейшая миссия Церкви, от которой она никогда не отступит. Но призывы ко всеобщему покаянию за то, что не совершало нынешнее поколение, — есть призывы лукавые, потому что Сам Бог, вернув нам наши святыни, показал, что Он простил наш народ». Надеюсь, на этом бредни о люстрации, о масштабном покаянии за прошлое прекратятся, по крайней мере, останутся маргинальной забавой.

Тема гражданского покаяния разрушительна, как нейтронная бомба. Бомба для наших душ. Оказывается, и за Победу мы должны каяться... К декадансу покаяния то и дело зовут, раздирая Россию, представители самых уважаемых институтов: политики, учёные, священнослужители... Так и хочется спросить: ну, хорошо, мы покаемся за победы, за то, что наши деды не были непротивленцами, не были неудачниками, за то, что отстаивали интересы государства. Покаемся. И начнётся в России жизнь в новом режиме — как это уже бывало не раз. Вы, лично вы, оратор, призывающий к такому покаянию, готовы взять на себя ответственность за моральный климат в раскаявшейся стране? Под какие плети вы готовы подставить спину, если по-

сле покаяния, к примеру, в стране не пойдёт на спад алкоголизм? Если продолжатся убийства, междоусобные войны? Народ покается, а вы готовы постоять у позорного столба, если богатые станут ещё богаче, а бедные — беднее? Если после проклятий Победе народ вступит в новый этап одичания, деградации? Уроки перестройки 1980-х и ельцинских реформ 1990-х показали: ни за что они — наши моралисты, наши ниспровергатели, отвечать не будут. Безответственность — это их символ веры. Они продолжают в белых ризах с высокого холма наблюдать за нами. Причём холм выбирают Капитолийский, а не Боровицкий.

Истерика аутсайдеров

В начале девяностых на идеологическом поле пахала бригада «иронистов». Полагалось осмеивать, обихиживать святыни. Глумление и ёрничество придавали мнимую глубину сказанному и написанному — прежде всего, в глазах самого автора. Глумливым хохотком пытались уничтожить и героинку Великой Отечественной. Вместо праздника «со слезами на глазах» нам предлагали бесконечную череду карнавалов. «Оттянись по полной», «Зажигай!», «Жить нужно в кайф» — это позывные и стиль эпохи, это опасный соблазн, которому трудно не поддаваться. На место парадов Победы немедленно приходят гей-парады. Между прочим, бывалые гомосексуалисты сегодня ходят по европейским школам с мастер-классами — совсем как ветераны Великой Отечественной в нашем пионерском прошлом. Такие святыни у новой Европы. Их агрессивно навязывают и нам. А завтра будут навязывать ещё агрессивнее.

Помните самую популярную забаву перестроечных лет? Развенчание мифов. Считалось, что миф — это нечто лживое и вредное. Всё, что вдохновляет человека, нужно подвергнуть пересмотру, перечеркнуть, оплевать. Разоблачали всё и вся, оплёвывали святыни. Прежняя идеология

прославляла труд, воспевала рабочего человека. Значит, нужно подтасовать карты так, чтобы рабочий человек оказался чернью, быдлом. Выродившаяся интеллигенция любит оперировать этими клеймами. Народ гордился космическими достижениями? Значит, нужно сказать, что космические полёты никому не нужны, куда важнее джинсы и колбаса. Разумеется, говорили это не специалисты по освоению вселенной. Наконец, подступили к главной святыне — к Победе. Сколько сил было брошено на борьбу со святынями войны. Как им хотелось принизить подвиг Зои Космодемьянской, осмеять Александра Матросова, Николая Гастелло, хихикать над Карбышевым... Хотелось залить помоями храм народной героики. Оказывается, в жизни нет места подвигу и отдавать жизнь за други своя — это не дело чести, а глупость и фанатизм.

Помню эмоциональное высказывание писателя В. Войновича: зачем нам священные знамена, память о павших героях? Священна только человеческая жизнь, её нужно беречь, а не подставляться под пули... Народный подвиг заслоняли ядовитыми разговорами о заградотрядах и штрафных ротах. Нет, не удалось им переформатировать вековые народные представления о доблести. Но «тьма на плетень» навели, подбросили колорадского жука в наши души. Настолько травмировали народное сознание, что в 1994-м зазвучали глубокомысленные вопросы: нужно ли отмечать День Победы, грядущее пятидесятилетие Победы? Ведь тогда, в 1945-м, над рейхстагом взвивалось красное знамя... Здравый смысл победил: ельцинская администрация осознала, что грандиозный московский праздник Победы с участием глав иностранных государств пойдёт на пользу международному престижу России.

В последние годы то и дело «с моралистических позиций» критикуют наши мемориалы, посвящённые героям Великой Отечественной. Вечный огонь называют языческим символом, суеверно придают ему демонический смысл. Начинается борьба с Вечным огнём. Мы проклинаям мародёров, которые уничтожают памятники советским воинам в Прибалтике, в Польше, в Венгрии, на Украине. Да, в этом нельзя не увидеть антироссийскую политическую агрессию. Но непримиримые борцы с мемориалами завелись и у нас. В одной экзаль-

тированно религиозной статье читаем: «Изваяние советского солдата, а в малых городах, как штамповка, довольно грубо выполненное, — колосс, у ног которого в пентаграмме горит вечный огонь. Или же, как на Мамаевом кургане в Волгограде, вызывает содрогание гигантская рука с горящим факелом, вылезаящая по локоть из подземелья...». Вечный огонь в воспалённом воображении автора оказывается символом «духовного закабаления»: «Жених и невеста в день свадьбы в брачных одеждах приезжают на поклонение «вечному огню», т.е. приносятся в жертву Молоху новобрачные. Огненный капкан как бы замкнулся: символически приносятся ему в жертву не только души усопших предков, но и будущие дети, отдаётся в плен сатане новый род». Пламенную символику памяти о павших называют «геенной огненной», адским пламенем, приравнивают воспоминания о павших к языческому жертвоприношению... И это при том, что в День Победы к могиле Неизвестного солдата возлагается венок от Патриарха Московского и всея Руси...

Мы с ужасом читаем статьи о Георгия Митрофанова, собравшего все штампы из архива антисоветской пропаганды — германской, американской, польской. Неужели это голос Русской православной церкви, которая возродилась в годы войны, вдохновляя православных на борьбу с врагом? Нет, это лишь мнение одного протоиерея, отчаянного западника, либерала, элитариста. Многие православные священники разных поколений публично выступили против концепции о. Георгия Митрофанова. Ключевое слово этой концепции — *победобесие*. Так называет о. Георгий Митрофанов нашу традицию прославления Победы. О. Георгий не видит бесовского начала в порнографии, в пропаганде гомосексуализма, в тотальном уничтожении христианской этики во имя ценностей потребления. Бесовское начало привиделось ему в том, что жива ещё последняя патриотическая святыня

России — Победа. Не преступников, не расклевывателей клеймит православный публицист, а тех, кто старается пробудить в людях высокие чувства. *Победобесие* — саморазоблачительное слово, оно выдаёт злые намерения автора, его ледяное высокомерие, честолюбивые мечты о «потрясении основ». О. Георгий пишет: *«Положив 27 миллионов русских жизней за годы войны, коммунистический режим, развязавший Вторую мировую вместе с гитлеровским режимом в сентябре 1939 года, сумел не только сохраниться в нашей стране, чтобы терзать её ещё десятилетиями, но и распространил своё господство на многие страны Европы, и, самое главное, уничтожил очень значительную часть нашего народа, после чего этот режим мог быть спокоен: у нашего народа уже не было сил, чтобы подняться на борьбу с ним. И если Германия нашла в себе силы критически осмыслить своё нацистское прошлое, провозгласив людей, пошедших против Гитлера и нарушивших присягу, данную ему — законно избранному вождю немецкого народа, — национальными героями, то у нас люди в аналогичной ситуации, поступившие так же, как их единомышленники в Германии, и тоже не одержавшие победы, продолжают считаться исключительно предателями»*. Всё здесь поставлено с ног на голову, а за мнимой учёностью скрывается эмоциональное передёргивание фактов. На каком основании можно считать, что Советский Союз «развязал Вторую мировую»? Как можно сравнивать победителей с проигравшими захватчиками? Вот уж фальсификация так фальсификация! Кому выгодна апологетика генерала Власова? Только тем, кто грезит об ослабленной России, лишённой завоеваний Великой Отечественной. Эти завоевания вовсе не иллюзорны: достаточно назвать только статус великой державы с правом вето в ООН. Уверен: они реабилитируют Власова вовсе не из христианского милосердия к повешенному генералу-предателю. Это политическая работа в интересах конкурентов России. Чем более возвышенные слова они произносят — тем очевиднее политический заказ. И, конечно, именно

этого «церковного власовца» (так о. Георгий Митрофанов сам себя нарёк) привлечает либеральная интеллигенция, к нему почтительно прислушиваются те, кто хочет видеть Россию слабой, разоружённой, перестроенной на чуждый лад. Досадно, что нам ещё немало лет придётся тратить время на борьбу с «пятой колонной», на информационную войну. Но таков удел великих держав.

Обстоятельно ответил клеветникам Победы священник Александр Шумский: «Для меня 9 мая, полёт Гагарина и многое другое из советской жизни — это не пустой звук. Я не собираюсь предавать забвению преступления советского времени, но я не могу, не погрешая против объективности, закрывать глаза и на всё то хорошее, что дала нам советская эпоха. Победа в Великой Отечественной войне, создание мощного государства и передовой экономики, социальная политика, высочайший уровень образования и многое другое обеспечили нам независимость и позволили продолжить своё историческое бытие. Советский период позволил нам уцелеть и выстоять. А сколько выдающихся людей из дореволюционной России сочли для себя возможным пойти на сотрудничество с советской властью, причём не из страха, а по велению совести. Примеров можно привести десятки, но я приведу один. А.Н. Крылов — великий кораблестроитель, математик, механик, адмирал и академик (академик Петербургской АН с 1916 г.), не задумываясь стал помогать своей стране и при советской власти. По заданию Сталина он закупал на Западе оборудование для советских кораблей. Для этого ему была выделена огромная сумма наличных денег. Когда кто-то спросил Сталина, не боится ли он, что Крылов может соблазниться и сбежать, он ответил: «Крылов никогда не предаст, я ему верю»... Советская эпоха — неоднозначная, неодномерная, сложная. И только такой подход к ней, а не высокомерное «дьявольский советский режим», даёт возможность что-то понять».

Протоиерей Александр Ильяшенко так определил мотив неовласовцев: «...хотят исказить нашу историю, принижая настоящих героев и восхваляя ложных. Они добиваются этого для того, чтобы отнять у народа веру в его достоинство, подвиг и великие достижения». Именно так! Ещё одну душевную травму русскому народу хотят нанести эти ниспровергатели. Результатом их штудий будет бескрылое, озлобленное поколение с погасшими взорами.

Конечно, с годами воспоминания о войне меняют оттенки восприятия. Врут и документы, и очевидцы. Образ Победы, созданный писателями, кинематографистами, музыкантами, приобрёл и глянцевого тона. И всё равно в этом мифе куда больше правды, чем в любом другом историческом сюжете — возьмите хоть Октябрьскую революцию 1917-го, хоть августовское стояние у Белого дома в 1991-м, хоть обстоятельства ухода Ельцина с политической сцены в 1999-м. О Победе мы знаем гораздо больше, чем о любом из этих событий.

Правофланговые нападок на Победу — наши диссиденты. Они люди великие и скромные. Только велики их амбиции, а скромны заслуги перед Родиной. Это профессиональные политические провокаторы, направившие в далёкие уже годы свой юношеский радикализм против основ советского строя. Они так и остались по-юношески самоуверенными и безответственными. Политический трép стал их единственной профессией. Ничего другого заветного у них нет — только политическая борьба, только страстная демагогия. Вот и приходится приторговывать старыми заслугами в деле разрушения СССР, приторговывать давней и новейшей гонимостью. Им необходимо доказать: нас — правозащитников, друзей Запада — снова притесняют, снова зажимают и задвигают. Борьба продолжается! А значит, продолжается и финансирование диссидентщины, продолжается грантоедство. Некоторым показалось грубоватым выражение В.В. Путина: «Шакалят возле иностранных посольств». Но точнее не скажешь, даже если такие витии не покидают стен кабинета, они всё равно шакалят у посольств.

И Подрабинек в открытом «письме советским ветеранам» витийствует: «Это вам толь-

ко кажется, что вы приватизировали патриотизм, любовь к России и заботу о её будущем. Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почётный. Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось. Ваша родина — не Россия. Ваша родина — Советский Союз. Вы — советские ветераны, и вашей страны, слава Богу, уже 18 лет как нет. Но и Советский Союз — это совсем не та страна, которую вы изображали в школьных учебниках и своей лживой прессе. Советский Союз — это не только политруки, стахановцы, ударники коммунистического труда и космонавты. Советский Союз — это ещё и крестьянские восстания, жертвы коллективизации и голодомора, сотни тысяч невинно расстрелянных по чекистским подвалам и миллионы замученных в ГУЛАГе под звуки поганого михалковского гимна. Советский Союз — это бессрочные психушки для диссидентов, убийства из-за угла, и на бесчисленных лагерных кладбищах — безымянные могилы моих друзей-политзаключённых, не доживших до нашей свободы».

Мы видим, что Александр Подрабинек нашёл, на кого напасть: на ветеранов войны. «Вы, советские ветераны...». В его устах слово «советский» звучит, как клеймо «еврейский» в устах Геббельса или Эйхмана. Ненависть, презрение, злоба...

Самые интеллигентные комментаторы всего и вся возмущены: откуда взялись эти ветераны на двадцатом году декоммунизации, на рубеже первого и второго десятилетий XXI века? Писательница Татьяна Толстая недоумевает: о каких фронтовиках может идти речь через 65 лет после Победы? Почему они не умерли? Да, за последнее двадцатилетие продолжительность жизни в нашей стране действительно сократилась, но, к счастью, живы ещё настоящие фронтовики —

такие, как Долгих или Попков. И они имеют право судить нас, а мы обязаны уважительно их выслушивать, учиться у них. Подрабинец отказывается от такой чести. Ярость диссидента легко переходит в истерику:

«Владимир Долгих, председатель московского Совета ветеранов, который, собственно, и подал это прошение, на войне был политруком, а потом сделал партийную карьеру, став в конце концов секретарём ЦК КПСС. Люди старшего поколения должны помнить эту фамилию. Ветеран тоталитаризма! Это во времена его власти сажали за антисоветскую деятельность... Вы, Владимир Иванович, из той банды коммунистических преступников, которые пытались погубить нашу страну, а потом сумели счастливо избежать суда и наказания. Теперь вы опять всплываете на поверхность, чтобы оправдать своё прошлое. Советское прошлое — кровавое, живое и позорное».

Владимир Иванович Долгих, приписав себе в документах год, добровольцем ушёл на фронт после девятого класса. Несколько раз был ранен, защищал Москву. Фельдшер Подрабинец, долго рыскавший по Интернету в поисках «компромата» на Долгих, считает, что быть на фронте политруком — это тёпленькое местечко. Почти все ротные политруки первой фронтовой зимы погибли, они не кланялись пулям. Ну, а после войны Владимир Иванович стал металлургом, инженером, наконец, выдающимся индустриальным управленцем.

Кто такой Александр Подрабинец? Фельдшер, с юности ставший карьерным диссидентом. И мы читаем его разглагольствования о фронтовиках, о боевых офицерах, об инженерах и организаторах индустрии. Разрушитель судит создателей, болтун проклинает людей дела. Стыдно, что у нас всё ещё в цене мнимые заслуги политиканов. Когда же будет развеян этот гипноз? Нас дурачили и будут дурачить, покуда мы не научимся судить о людях по их истинным заслугам.

Позволяя подрабинецкам влиять на политическую жизнь, на тонкие материи идеоло-

гии, мы оказываемся среди мыльных пузырей, в мире дутых ценностей. Бутафорская модернизация, мнимые достижения, из явного — только демагогия.

Вроде бы общество осознало пагубность финансовых «пирамид» наподобие «Гермеса» или МММ. Но почему же в идеологии мы потребляем мнимые ценности в интересах бойкого меньшинства? Почему позволяем авантюристам и никчёмным шалунам раздуваться от чувства собственной значимости?

Они проникли не только на страницы газет, но и в школьные учебники истории. Да-да, во многих учебниках, написанных за последние восемнадцать лет, вы встретите сочувственное описание деятельности диссидентов. Они вошли в джентльменский набор знаний об истории XX века. А вот адмирал Горшков — герой Великой Отечественной, создавший в 60–70-е самый мощный флот в истории России — не упомянут ни в одном учебнике истории!

Подрабинец кричит: «А я — из антисоветского прошлого нашей страны, и я скажу вам вот что. В Советском Союзе кроме вас были другие ветераны, о которых вы не хотели бы ничего знать и слышать — ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии. Они поднимали лагерные восстания в Кенгире в 1954-м и шли на расстрельную демонстрацию в Новочеркасске в 1962-м. Они почти все погибли, их память почти никем не охраняема, в их честь не называют площади и улицы. Немногие из них, оставшиеся в живых, не получают от государства пособий и персональных пенсий, живут в бедности и безвестности. Но не вы, охранники и почитатели советской власти, а именно они — подлинные герои нашей страны. Наше сонное общество всего этого ещё не осознало».

Борцам за свободу не понравилось, что активисты Молодой гвардии «Единой России» устроила пикет возле дома, в котором когда-то проживал Подрабинек. Когда гражданские свободы оборачиваются против их интересов, диссиденты становятся поборниками жандармерии.

Показательно, что диссиденты в России никогда не пользовались народным уважением. Они сами осознавали эту «оторванность от народа», даже гордились ею. Достаточно пять минут послушать этих людей — и всякий поймёт: перед нами сектанты. Покуда жив народный здравый смысл, он будет отторгать секту. Роль диссидентов в разрушении советской системы ничтожна. Легальные советские «шестидесятники» были куда влиятельнее, чем радикальные фанатики. Диссиденты оставались непонятыми, даже когда те же легальные либералы-шестидесятники приняли их героизировать в прессе.

С 1991-го стало хорошим тоном привечать диссидентов в школьных учебниках. Разумеется, это поощрялось такими фондами, как соросовское «Открытое общество». И мы стали внушать школьникам, что история России XX века — это Лариса Богораз, Владимир Буковский и Натан Щаранский, это генерал Григоренко, Подрабинек и Амальрик. Ну, и где сегодня герой учебника истории России Натан Щаранский? Он нашёл себя в бюрократической системе Израиля. Да и в СССР его правозащитная деятельность выражалась в борьбе за свободный выезд советских евреев в Израиль. Этой борьбе можно сочувствовать, Щаранский заслуживает уважения, но в масштабах истории России XX века его деятельность выглядит провинциально. Создаётся миф о героических диссидентах — и приходится потесниться истинным героям, победителям-фронтовикам.

Мы сервируем историю страны для школьников как череду догматических споров, придаём значение идеологии подпольных сект, работавших на противника во время самых суровых заморозков «холодной войны». Не лучше ли рассказать об успехах оборонной промышленности? О строительстве гидроэлектростанций? Семидесятые годы — это прежде всего электростанции и ракеты, а не Щаранский с Буковским.

Уверен: восторгаясь диссидентами, интерпретаторы истории активно участвуют в формировании поколения болтунов, для которых иллюзорные профессии «пиарщиков» и «креативщиков» стали престижнее производства и серьёзной науки. Самых диссидентов нынешние школьники всё равно не принимают: их идеи не соответствуют общественным представлениям о гражданских доблестях. Как бы ни грезили наши просвещённые западники об исконном анархизме русского народа, как бы ни любовались загадочным и непредсказуемым пьяным ухарем, была, есть и будет иная Россия. Хладнокровная, терпеливая, целеустремлённая, умеющая преодолевать невзгоды войны и Севера, осваивать земли, умеющая быть расчётливой, мыслить стратегически. Ухарство в нас тоже было и будет, но мы знаем ему цену. И в иерархии ценностей на первом месте у русского человека не гульба и не пьяная вольница, а терпение и Победа. Россия, построившая, сохранившая и защитившая свою государственность. Не станет Россия всерьёз жертвовать государством ради свободы, жертвовать героикой Победы ради культа правозащитников и подписантов.

На канале НТВ за последние два года вышли документальные фильмы о Ржевской битве и битве за Москву. Глумливое самолюбование журналистов в этих проектах производит скверное впечатление. Снова — желание приписать подвиг, навязать западную точку зрения на героиню, на цену победы, на государственный патриотизм. Ещё печальнее было базарное ток-шоу на том же канале. Запомнился один эпизод: на шоу пришла пожилая женщина с боевыми наградами. Ей дали слово. Когда в студии НТВ выпрыгивающий из брюк вертлявый журналист задавал фронтовичке вопрос: «За кого вы воевали — за Сталина или за народ?», я подумал, что эта грубая провокация, увы, может сработать. Что может быть

святое народа? Но женщина ответила твёрдо: «За Сталина!». Поняла, прочувствовала, что молодые люди ждут от неё противоположного ответа — ждут отречения, предательства, плевка во фронтовые святыни. Да, некорректно противопоставлять Сталина и народ в душах фронтовиков. Но, если уж вы так ставите вопрос — получайте. Вам, мародёрам, мы не отдадим ни пяди своей истории. С вами, как с врагами... В нервной, взвинченной телевизионной дискуссии пожилая женщина показала себя куда более пронзительным и твёрдым оратором, чем золотые перья и бриллиантовые языки...

Фото прислано С.Н. Чистяковым, ХМАО-Югра

«Когда за призраком свободы нас Брут отчаянный водил...» — читаем у Пушкина. И впрямь, гражданские свободы всегда иллюзорны, призрачны, а жертв требуют реальных.

Государственное дело тоже требует жертв и получает их. Но державность — не иллюзорное понятие. Государство просвещает, умиротворяет, сплачивает. Сколь бы ни кричали витии, стратегического конфликта интересов у человека и государства Российского нет, если этот человек — не отпетый индивидуалист. А вот интересы клеветников Победы всегда лежат поперёк судеб народного большинства, и здесь конфликт неминуем. Беда в том, что радикалы и стремятся к конфликту, раздувают пожар. И постепенно приучают нас к едкому запаху кощунства. Уши привыкают к идеологической какофонии, и мы уже ждём от истории примитивных острых ощущений, ждём шока и быстрых ритмов. Ждём разоблачений, скандалов, сенсаций. Ждём этой музыки и от истории.

И вот мы уже играем с огнеопасными предметами, оплёвываем святыни. А начинается распад с элитарного бунтарского самоутверждения, которое опрометчиво, «из лучших побуждений», пропагандировали вольнолюбивые журналисты. **НО**

И вот мы уже играем с огнеопасными предметами, оплёвываем святыни. А начинается распад с элитарного бунтарского самоутверждения, которое опрометчиво, «из лучших побуждений», пропагандировали вольнолюбивые журналисты. **НО**